

Василь Быков «Катюша»

Обстрел длился всю ночь — то ослабевая, вроде даже прекращаясь на несколько минут, то вдруг разгораясь с новой силой. Били преимущественно минометы. Их мины с пронзительным визгом разрезали воздух в самом зените неба, визжание набирало предельную силу и обрывалось резким оглушительным взрывом вдали. Били большей частью в тыл, по ближнему селу, именно туда в небе устремлялся визг мин, и там то и дело вспыхивали отблески разрывов. Тут же, на травянистом пригорке, где с вечера окопались автоматчики, было немного тише. Но это, наверно, потому, думал помкомвзвода Матюхин, что автоматчики заняли этот бугор, считай, в сумерки, и немцы их тут еще не обнаружили. Однако обнаружат, глаза у них зоркие, оптика тоже. До полуночи Матюхин ходил от одного автоматчика к другому — заставлял окапываться. Автоматчики, однако, не очень налегали на лопатки — набегались за день и теперь, наставив воротники шинелей, готовились кимарнуть. Но, кажется, уже отбегались. Наступление вроде выдыхалось, за вчерашний день взяли только до основания разбитое, сожженное село и на этом бугре засели. Начальство тоже перестало подгонять: в ночь к ним никто не наведалься — ни из штаба, ни из политотдела, — за неделю наступления также, наверно, все вымотались. Но главное — умолкла артиллерия: или куда-нибудь перебросили, или кончились боеприпасы. Вчера постреляли недолго полковые минометы и смолкли. В осеннем поле и затянутом плотными облаками небе лишь визжали на все голоса, с треском ахая, немецкие мины, издали, от леска, стреляли их пулеметы. С участка соседнего батальона им иногда отвечали наши «максимы». Автоматчики больше молчали. Во-первых, было далековато, а во-вторых, берегли патроны, которых также осталось не бог знает сколько. У самых горячих — по одному диску на автомат. Помкомвзвода рассчитывал, что подвезут ночью, но не подвезли, наверно, отстали, заблудились или перепились тылы, так что теперь вся надежда оставалась на самих себя. И что будет завтра — одному богу известно. Вдруг поперет немец — что тогда делать? По-суворовски отбиваться штыком да прикладом? Но где тот штык у автоматчиков, да и приклад чересчур короткий. Превозмогая осеннюю стужу, под утро кимарнул в своей ямке-окопчике и помкомвзвода Матюхин. Не хотел, но вот не удержался. После того, как лейтенанта Климовского отвезли в тыл, он командовал взводом. Лейтенанту здорово не повезло в последнем бою: осколок немецкой мины хорошо-таки кромсанул его поперек живота; выпали кишки, неизвестно, спасут ли лейтенанта и в госпитале. Прошлым летом Матюхин тоже был ранен в живот, но не осколком — пулей. Также натерпелся боли и страха, но кое-как увернулся от кощавой. В общем, тогда ему повезло, потому что ранило рядом с дорогой, по которой шли пустые машины, его ввалили в кузов, и спустя час он уже был в санбате. А если вот так, с выпавшими кишками, тащить через поле, то и дело падая под разрывами... Бедняга лейтенант не прожил еще и двадцати лет. Именно потому Матюхину так беспокожно, все надо досмотреть самому, командовать взводом и бегать по вызовам к начальству, докладывать и оправдываться, выслушивать его похабную матерщину. И тем не менее усталость пересилила беспокойство и все заботы, старший сержант задремал под визг и разрывы мин. Хорошо, что рядом успел окопаться молодой энергичный автоматчик Козыра, которому помкомвзвода приказал наблюдать и слушать, спать — ни в каком случае, иначе — беда. Немцы тоже шустрят не только днем, но и ночью. За два года войны Матюхин насмотрелся всякого.

Незаметно уснув, Матюхин увидел себя как будто дома, будто он задремал на завалинке от какой-то странной усталости, и будто соседская свинья своим холодным рылом тычет в его плечо — не намеревается ли ухватить зубами. От неприятного ощущения помкомвзвода проснулся и сразу почувствовал, что за плечо его в самом деле кто-то сильно трясет, наверное, будит. — Что такое? — Гляньте, товарищ помкомвзвода! В сером рассветном небе над окопчиком склонился узкоплечий силуэт Козыры. Автоматчик поглядывал, однако, не в сторону немцев, а в тыл, явно чем-то там заинтересованный. Привычно стряхнув с себя утренний сонный озноб, Матюхин привстал на коленях. На пригорке рядом темнел громоздкий силуэт автомобиля с косо наставленным верхом, возле которого молча суетились люди. — «Катюша»?.. Матюхин все понял и молча про себя выругался: это готовилась к залпу «Катюша». И откуда ее принесло сюда? К его автоматчику? — От теперь зададут немчуре! От зададут! — по-детски радовался Козыра. Другие бойцы из ближних ямок-окопчиков, также, видать, заинтересованные неожиданным соседством, повылезали на поверхность. Все с интересом наблюдали, как возле автомобиля суетились артиллеристы, похоже, настраивая свой знаменитый залп. «Черт бы их взял, с их залпом!» — занервничал помкомвзвода, уже хорошо знавший цену этих залпов. Польза кто знает какая, за полем в лесу много не увидишь, а тревоги, гляди, наделают. Между тем над полем и лесом, что затемнел впереди, стало помалу светать. Прояснилось хмарное небо вверху, дул свежеватый осенний ветер, по всей видимости, собиралось на дождь. Помкомвзвода знал, что если поработают «Катюши», обязательно польет дождь. Наконец там, возле машины, суета как будто притихла, все словно замерли; несколько человек отбежало подальше, за машину, донеслись глуховатые слова артиллерийской команды. И вдруг в воздухе над головой резко взвизгнуло, загудело, хряпнуло, огненные хвосты с треском ударили за машиной в землю, через головы автоматчиков пырхнули и исчезли вдали ракеты. Клубы пыли и дыма, закрутившись в тугом белом вихре, окутали «Катюшу», часть ближних окопчиков, и стали расползаться по склону пригорка. Еще не притихнул гул в ушах, как там уже закомандовали — на этот раз звучно, не таясь, со злой военной решимостью. К машине кинулись люди, звякнул металл, некоторые вскочили на ее подножки, и та сквозь остаток еще не осевшей пыли поползла с пригорка вниз, в сторону села. В то же время впереди за полем и леском угрожающе грохнуло — череда раскатистого протяжного эха с минуту сотрясала пространство. В небо над лесом медленно поднимались клубы черного дыма. — О дает, о дает немчуре проклятой! — сиял молодым курносым лицом автоматчик Козыра. Другие так же, повылазив на поверхность или привстав в окопчиках, с восхищением наблюдали невиданное зрелище за полем. Один лишь помкомвзвода Матюхин, словно окаменев, стоял на коленях в неглубоком окопчике и, как только рокот за полем оборвался, закричал во всю силу: — В укрытие! В укрытие, вашу мать! Козыра, ты что... Он даже вскочил

на ноги, чтобы выбраться из окопчика, но не успел. Слышно было, как где-то за лесом щелкнул одиночный взрыв или выстрел, и в небе разноголосно взвыло, затрещало. Почуввав опасность, автоматчики, будто горох со стола, сыпанули в свои окопчики. В небе взвыло, затряслось, загрохотало. Первый залп немецких шестиствольных минометов лег с перелетом, ближе к селу, другой — ближе к пригорку. А потом все вокруг перемешалось в сплошной пыльной мешанине разрывов. Одни из мин рвались ближе, другие дальше, впереди, сзади и между окопчиков. Весь пригорок превратился в огненно-дымный вулкан, который старательно толкли, копали, перелопачивали немецкие мины. Оглушенный, засыпанный землей, Матюхин корчился в своем окопчике, со страхом ожидая, когда. Когда же, когда? Но это когда все не наступало, а взрывы долбали, сотрясали землю, которая, казалось, вот-вот расколется на всю глубину, разрушаясь сама и увлекая за собой все остальное.

Но вот как-то все постепенно затихло. Матюхин с опаской выглянул — прежде вперед, в поле — не идут ли? Нет, оттуда, кажется, еще не шли. Затем он посмотрел в сторону, на недавнюю цепочку своего взвода автоматчиков, и не увидел его. Весь пригорок зиял ямами-воронками между нагромождением глинистых глыб, комьев земли; песок и земля засыпали вокруг траву, будто ее никогда и не было здесь. Невдалеке распласталось длинное тело Козыры, который, судя по всему, не успел добежать до своего спасительного окопчика. Голова и верхняя часть его туловища были засыпаны землей, ноги также, лишь на каблуках не истоптанных еще ботинок блестели отполированные металлические косячки. — Ну вот, помогла, называется, — сказал Матюхин и не услышал своего голоса. Из правого уха по грязной щеке стекала струйка крови.